

I. I. Rozhkov
Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

F. M. Ivanuk
Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping

RESPONSIBILITY AS A BASIS OF ETHICAL COMPONENT OF ELITOLOGIYA

The perspective of the ethical component of the elite research is considered in the context of its basis – responsibility. Different types of elite, problems of their interactions for process optimization of transformation and stabilization in the society are analyzed. The important role of the higher education system in the processes of elite forming and increase in efficiency of their activities is shown

Elite, elitologiya, elitogenesis, counterelite, meritocracy, responsibility, subject of responsibility, object of responsibility, instant of responsibility, justice

УДК 392.81

И. В. Горина

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ*

РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ

Анализируются концептуальные понятия типологии культуры Н. Я. Данилевского, «местной истории» В. О. Ключевского, «онтологии культа» В. В. Розанова, «путешествия в культуру» И. М. Гревса, деятельностного подхода М. С. Кагана, актуальные для современного изучения региональной культуры.

Региональная культура, культура, топология, типология культуры, онтология культуры, местная история

Современные исследования показывают, что культура наравне с экономикой, политикой и другими сферами общественной деятельности активно воздействует на исторический процесс, обуславливая различные аспекты его развития. В связи с этим становится важным изучение проблем региональной культуры, что позволяет выявить и системно анализировать многообразие конкретно-исторических национальных, этнических форм существования людей, показать закономерности их появления и развития. В условиях обострения мировых социальных и национальных региональных конфликтов, обусловленных социально-экономическими и политическими элитами мира, становится чрезвычайно важной выработка новой научно-исследовательской парадигмы изучения региональной культуры.

Фундаментальным основанием нового подхода к проблемам изучения региональной культуры может стать принцип гуманизма, запечатленный в культурно-историческом своеобразии народа и опыте функционирования его социально-политических институтов на протяжении столетий. В этом контексте значимы идейные наработки русской школы мысли второй половины XIX и XX вв., которые могут стать основой современных теоретических и практических исследований региональных культур. Изначальной ценностной доминантой

отечественных регионально-культурологических исследований можно считать принцип толерантности, заключенный в непредвзятом научном внимании к предмету познания, а также чувство уважения к традициям и обычаям разных народов.

Совмещение рациональных методов познания с чувственным, заинтересованным восприятием феноменов культуры региона способствует пониманию многообразия неповторимого и уникального духовного опыта каждого отдельно взятого народа, хранящего единство с целостным космосом культуры всего человечества. Происходит соединение двух планов бытия – «родного и вселенского» – по образному сравнению Вячеслава Иванова, которое открывает основы региональной, национальной и общемировой культуры как системы знаково-символических полей, обусловленных особенностями общественно-исторического типа деятельности народа и человека. В этом преодолевается суждение об антииндивидуальности любой культуры, которая стремится «вписать» частное сознание в себя, адаптировать его в общественное, нормативное.

Культурная матрица есть основание общественно-исторического бытия народа, его органической целостности, преломляющееся в форме регионально-этнической, национальной и мировой культуры. В этой системе отношение отдельного человека к единому наследию культуры характеризуется аристотелевым соотношением *Единого* (синоним всеобщей целостности) к *единственному* [1], т. е. целостный органический космос культуры соотносим не с безликим множеством этнической массы народа, а с неповторимой индивидуальностью становления каждого отдельного его представителя. Таким образом, не вектор множественности причинно-следственных связей в обществе, а уединенно-личностный опыт погружения, осмысления и «врастания» человека (в том числе и исследователя) в культурно-историческую почву своего народа дает осознать себя как уникальную самостоятельную единицу бытия в универсуме бытийной взаимообусловленности развития общества, мира и природы. Закономерная принадлежность человека своей культурно-исторической общности, буквально соответствие *месту* существования позволяет исследователю выявить особое концептуальное поле *топологической укорененности* социума и человека в бытии, которая и является предметом изучения в области региональной культуры.

Социально-антропологическая топология выявляет область *топологии культуры*, которая включает:

- исследование региональной культуры как органической целостности формирования национальной и, как следствие, индивидуальной картины мира;
- изучение проблемы национальной и индивидуальной самоидентификации как поиска собственного места и значения в контексте локальной и глобальной исторической эволюции;
- проектирование на основе соединения культурно-исторических традиций и новаций современной модели национально-этнического культурного развития и взаимодействия.

В историко-регионоведческой проблематике и традиции отечественной школы философии *топологию культуры* можно рассмотреть как составную часть типологического подхода к изучению культуры. Основоположником типологического подхода к изучению культуры стал Н. Я. Данилевский (1822–1885). В работе «Европа и Россия» он предложил новые методологические основания для историко-культурного анализа. Преодолевая универсалистскую теорию деления всемирной истории на древнюю, средневековую и новую, он обратил внимание на многообразие форм развития неевропейских культурных традиций. В центр культурно-исторического исследования было поставлено определение и изучение историче-

ского многообразия «типов развития» в их непосредственной связи с конкретными формами культурно-исторической жизнедеятельности этносов. Особо важным было утверждение Данилевского, что «...начала цивилизации не передаются от одного культурно-исторического типа другому» [2, с. 88]. Речь идет именно о «началах», составляющих основу культурного своеобразия определенной традиции и остающихся чуждыми иному типу культуры. Эти «начала» непосредственно связаны с топологическими особенностями становления этноса, первичными формами хозяйственной деятельности общества, детерминированными географической средой, развитием локально уединенной родовой картины мира, создающейся на основе мифопоэтического творчества и являющейся матрицей знаково-символических полей будущего культурного стиля народа, его цивилизации. Выделяя четыре основных направления исторической жизнедеятельности народов – религиозное, культурное, политическое и социально-экономическое, Н. Я. Данилевский полагал, что методологическим базисом типологического исследования должен стать конкретный исторический материал, связанный с анализом степени исторического развития того или иного общества¹.

Такая установка русского мыслителя была связана с особенностями отечественной философской школы и ее конкретным объективизмом. Онтологизм русской философии связан со второстепенностью теории познания. Познание признается лишь частью и функцией нашего действия в мире [3, с. 26–27]. В этом случае, по утверждению исследователя русской философии А. В. Малинова, перед знанием ставилась задача:

- знание должно быть реальным, действительным, доподлинным;
- быть знанием мира, а не знанием от меня;
- быть предметным, раскрывающим предметную сущность явления и мира [4, с. 26–27].

Предметность познания связана с топосом – местом бытия. Топологичность региональной культуры связана с топологией исторического процесса. Обращаясь к русской школе исторической науки, важно отметить исследование В. О. Ключевским (1841–1911) соотношения местной и общей истории в методе исторической социологии. По словам русского историка, «всеобщая история создавалась не совокупной жизнью всего человечества, существовавшего в известное время, ... а отдельными народами или группами народов, которые преемственно сменялись при разнообразном местном и временном подборе сил и условий, нигде более не повторявшемся... Мы хотим знать по этим сочетаниям и положениям, как раскрывалась внутренняя природа человека в общении с людьми и в борьбе с окружающей природой. Но по условиям своего земного бытия человеческая природа раскрывается... подчиняясь обстоятельствам места и времени» [5, с. 18]. Место и время создают особый хронотоп бытия как постоянную константу раскрытия «тех многообразных и изменчивых сочетаний внешних и внутренних условий развития, какие складываются в известных странах для того или другого народа на более или менее продолжительное время. Эти сочетания – основной предмет исторической социологии... Изучая местную историю, мы познаем состав людского общежития и природу составных его элементов» [5, с. 19]. В перспективе развития исторической науки

¹ Аналитика реальной действительности с выявлением культурно-исторического своеобразия, а не умозрительные концепции априорного схематизма были важны для Данилевского. В противовес теории О. Шпенглера, который взял за основу умозрительную схему судьбы культуры, Н. Я. Данилевский пытался в событиях современности увидеть базовые модели жизнедеятельности народов, которые были обусловлены спецификой их существования и самопознания в истории.

«местная история» становится частью научного краеведения, исторического регионоведения и смежных с ней дисциплин – этнологии, регионоведения и социологии.

Продолжая линию В. О. Ключевского, русский мыслитель В. В. Розанов раскрывает особенности «местной истории» при методологическом переходе от культурософии к культурологии, от онтологизма бытия к культурологическому анализу быта как «события бытия» [6, с. 31]. В. В. Розанов синтезировал концепты *философии жизни* с исследованиями в области истории культуры. В «Учении о мире человеческом» – второй части книги «О понимании» – Розанов видит поле истории как протяженное во времени творчество человеческого духа, отраженное в демиургической деятельности народов по созданию топологических традиционных картин мира, запечатленных в формах и символах религии, социального бытия, политических и экономических структурах¹ [7, с. 310]. В. В. Розанов признавал консервативным ядром культуры «культ» [8, с. 31]. Он полагал, что культ – это реальность, пронизывающая повседневную жизнь человека, средоточие духовно-нравственных ценностей человека и общества, соотносимое не с метафизической природой трансцендентного Бога, а с культурно-историческим опытом социальной общности и окружающим миром эмпирической действительности.

Предметом культа для человека могут быть домашний кров, свой край, родина [8]. Из семейно-родовых культовых ценностей человек, духовно возрастая, переходит к общественно значимому культу знания, религии, профессионального мастерства, искусства. Социализация в культовой среде требует важнейшего принципа служения, состоящего в преданности своим убеждениям, центрировании своей сущности в различных сегментах бытия. Этот принцип исключает духовные блуждания, бесцельные переживания и в своей сути несет важную точку понимания своего *места в бытии*. Объекты привязанности, искренней любви, к которым человек относится с благоговением, становятся мерой его собственной нравственной крепости.

Культ как ядро культуры организует постоянную ось человеческой деятельности, что позволяет создать внешний круг проживания индивидом своего времени в соответствии со шкалой незыблемых ценностей его культовой памяти. Историк культуры, как правило, не может проникнуть в экзистенции мертвых народов, услышать их живую речь, понять их характер, но он может это сделать опосредованно через язык культа, его диалогическую структуру, сохраняющую духовный опыт исчезнувшей во времени цивилизации в произведениях искусства, литературных памятниках, религиозных традициях.

Культ становится пространством приобщения человека к идейным основаниям чужой, умершей культуры, способствуя ее пониманию и метаисторическому диалогу с исчезнувшими народами. Акт индивидуального понимания позволяет историку культуры осознать и прочувствовать внутреннюю сущность самого исторического процесса как творческой деятельности человека. Именно встреча, сопереживание исследователем культуры духовного опыта ушедших поколений определяет меру его глубокого погружения и степень понимания скрытых процессов, происходящих в истории. Такой метод, лишенный внешнего сравнительного анализа, имеет свою глубину проникновения в суть вещей: «Историку необходимо обладать даром художественного понимания человека и жизни, даром художественной передачи понятого, чтобы по немногим чертам, оставшимся от эпохи или исторической деятельности человека, воссоздать целое» [7, с. 494].

¹ В. В. Розанов: «Источник бытия форм человеческого мира: государства, общества, искусства – человеческий Дух, погруженный в материю и окруженный Космосом. И мир, исходящий из него, так же велик и многообразен, как мир Космоса. Дух есть творческий источник государства, политических форм, искусства, которые можно рассматривать как отдельные общественные тела».

В таком описательном методе психологического переживания культурной эпохи Розанов оказался близок традициям русской исторической школы XIX столетия, методология которой была связана с литературой, работой со словом, поиском языка художественного описания исторических событий. Высший профессионализм историка он усматривал в умении видеть в исследуемом артефакте или явлении культуры потенции, проявленные в прошлом, во взаимосвязи с настоящим и будущим. Историк может изучать национальную культуру, отдельные ее явления, документы, но он не должен замыкаться в узкоспециализированной области своего исследования, а стремиться в глубоком обобщении воссоздать историческую жизнь всего человечества. Чтобы приблизиться к этой профессиональной сверхзадаче, исследователь культуры обязан произвести серьезную внутреннюю работу: «Он должен отразить в своем духе дух всех народов и пережить с ними все времена; проникнуть попеременно в узкий практицизм Китая и во всю роскошь фантазии индусов, найти в себе сочувствие холодному анализу Аристотеля и некоторой поэтической бессмыслице поклонников Пророка; понять, что чувствовали крестоносцы, когда при виде всякого города спрашивали “не это ли Иерусалим?”, что чувствовал Вольтер, когда смеялся над ними, восторгаться с гуманистами находке старой рукописи и с Буддою думать о средствах прекратить мучения всего сущего» [7, с. 495]. В этом исследовательском посыле исключается представление об истории культуры как прогрессивной линии развития человечества. Линия всеобщего прогресса заменяется идеей индивидуального (субъективного) понимания незыблемых начал добра и зла, жизни и смерти, существующих в недрах каждой региональной культуры. Раскрытие гуманистического опыта народа, выявление ценностных ориентиров развития нации способствует более глубокому пониманию и выстраиванию экономических и геополитических моделей сотрудничества уже на этапе современной истории.

Топологическая перспектива философских размышлений В. В. Розанова соответствовала не только историософской традиции отечественной школы мысли, но и тенденциям развития исторической науки на рубеже XIX–XX столетий и в первые десятилетия прошедшего века. Основатель отечественной школы научного краеведения профессор истории Санкт-Петербургского университета И. М. Гревс полагал, что краеведение, изучение «местной истории» тесно связано с исследованием региональной культуры, которая есть следствие и основа духовного творчества человека в прошлом и настоящем¹. По сути местная, региональная культура оказывается связующим звеном личности с универсумом бытия общечеловеческой истории. И. М. Гревс призывал изучать в первую очередь культуру: «Ее и надлежит охватывать познанием всю, на всей земле и внутри каждого края: не только сельское хозяйство, горное дело, промышленность, торговлю, физический труд, но и науку и просвещение, поэзию и искусство, нравы и обычаи, религию, все мирозерцание, которое объемлет элементы культуры и одухотворяет ее. Творчество духовное необходимо и равноправно с производством хозяйственных благ как предмет краеведческих исканий» [9, с. 141]. Это утверждение на современном этапе развития краеведения и исторического регионоведения можно считать основой теории и практики региональной культурологии.

Основным практическим методом изучения региона И. М. Гревс считал экскурсионный метод научного «путешествия в культуру». Цель такого «путешествия» Гревс, как и Розанов, определяет способностью исследователя «вжиться» в дух культуры, «сродниться хоть отчасти»

¹ Особенностью теоретических установок научного краеведения Гревса является их концептуальная связь с философскими идеями немецких романтиков и Г. Гегеля, определявшими связь духа культуры с судьбой народа в истории. По сути русского историка интересовало раскрытие механизмов взаимообусловленности всеобщей и местной истории в физиогномике особого локального образа или феномена культуры.

с картиной прошлого. Экскурсионный интерес Гревса был далек от современной практики массовых туристических экскурсий, ему было важно рационально-чувственное восприятие топологической целостности изучаемого пространства. По его утверждению, «знания и впечатления должны расширяться и углубляться постепенно» [9, с. 141–146]. Научная экскурсия является продолжением учебно-образовательного процесса по изучению предмета, «...она должна переносить учащегося из атмосферы семинария в новую среду, углублять и расширять знания с помощью иных приемов и методов» [10, с. 151–151]. В комплексе личных, частных впечатлений и общих фактов научное краеведение, так же как и экскурсионный метод, «неуклонно стремится к синтезу, подлинному единству восстанавливающего и толкующего предмет образа. Оно должно начертать полный и цельный портрет края, отображающий все его тело и весь дух в их организации и в их общей жизни» [11, с. 140].

Цельный портрет края, его тело и дух есть живой культурно-исторический и топологический организм, который, следуя античной традиции, можно характеризовать как *genius loci* – *гений места*, который является локальной ментально-творческой структурой бытия. *Гений места* организует *топос культуры* – область существования культурных объектов, феноменов и явлений в пространственно-протяженной линии судеб людей. К сожалению, такой историко-культурологический подход к изучению «местной истории» не был до конца осуществлен Гревсом. Этому помешали идеологические установки официальной исторической науки, направленные на упразднение академизма в краеведении. В итоге концепция научного краеведения подверглась критике за излишний идеализм и была исключена из системы советского гуманитарного образования на рубеже 1920–30-х гг.

На современном этапе развития исторической науки и исторического регионоведения как области научно-краеведческих исследований своевременно возвращение к аналитике идей русских философов и историков в области истории и философии культуры. Однако при этом необходимо учитывать опыт отечественной культурологической мысли второй половины XX столетия. С середины 1960-х гг. в отечественной науке проблемы, связанные с изучением культуры, приобрели особую значимость, актуализируя такие аспекты, как анализ социокультурных процессов в обществе, осмысление роли и места культуры в формировании личности и социума, связи культуры и природной среды, рассмотрение систем ценностных ориентаций различных социальных групп. Особое место в исследовании столь многогранного и сложного феномена, которым является культура, занимал и продолжает занимать деятельностный подход М.С. Кагана, определяющий культуру как совокупность форм, способов, средств и результатов человеческой деятельности [12, с. 44].

Наряду с деятельностным подходом выделяются исторический (культура как традиция) и нормативный (культура как система регулятивов, руководящих человеческой деятельностью). Аспекты функционирования культуры акцентируют множественность психологических факторов от приспособляемости к условиям существования до формирования определенных привычек и обычаев. В целом культуру рассматривают как сложную систему взаимосвязанных элементов, представляющих собой исторически сложившуюся естественную целостность, некий единый органический мир. В самом общем виде культура понимается как система вне биологически выработанных средств и механизмов, благодаря которым мотивируется, направляется, координируется, реализуется и обеспечивается человеческая деятельность. В определениях культуры акцентируются ее надприродный характер, созданность человеком, механизмы регуляции социальных отношений и поведения. Несмотря на множественность

определений и подходов, практически всеми современными исследователями подчеркивается универсальность культуры, ее интегрирующая роль в социальной жизни.

Современный исследователь И. Я. Мурзина выявляет два смежных друг с другом понятия: культура региона и региональная культура. Культура региона понимается как географически (пространственно) закрепленная культура. Ее функция – транслировать основные ценности национальной культуры, отличающиеся особенностями бытового уклада и характером повседневности (за этим определением просматривается социологическая и культурософская традиция, представляющая культуру как форму отражения материального бытия, производственно-экономических отношений и следующая за их развитием). Региональная культура – вариант общенациональной культуры и одновременно самостоятельное явление, обладающее собственными закономерностями развития и логикой исторического существования. Ее отличает свой набор функций, продуцирование специфической системы социальных связей и собственный тип личности со способностью оказывать влияние на общенациональную культуру в целом. Это позволяет включить понятие региональной культуры в типологический ряд историко-культурных явлений [13].

Сложность научной аналитики концепта «региональная культура» усиливается социокультурными процессами актуальной действительности. В последнее время изменения в государственном устройстве, новая политическая и социальная ситуации обострили скрытые ранее противоречия, обнажив целый спектр нерешенных проблем федеративного устройства, этнических взаимодействий, сосуществования различных территориальных, политических, экономических и социальных образований. Множество вопросов, которые сегодня воспринимаются как особенно острые, нуждаются в должном осмыслении с учетом фактов и разрозненных аспектов современной жизни, которые ведут к осмыслению сложного феномена существования страны – анализу культуры как «подсистемы бытия». При всем разнообразии конкретных исследований (от описания культур отдельных народов или отдельных социальных групп, проблем межкультурных связей разного уровня, способов организации социальной жизни до анализа социально-психологических особенностей представителей того или иного сообщества, их политических или экономических предпочтений) необходимо стремиться к созданию единого поля понимания и представления о целостности многообразия культурно-исторического наследия народов России вне зависимости от политической конъюнктуры.

Одним из способов осмысления культуры России становится изучение ее отдельных регионов, которое может стать основой серьезного междисциплинарного синтеза, где разнообразие и специфика типологических общероссийских связей осмысляется через топологический характер их локализации во времени и пространстве определенного региона. На данном этапе развития гуманитарных знаний изучение регионов ведется в разных аспектах:

- геополитическом (в контексте проблем глобализации и регионализации);
- социологическом (анализируется деятельность определенных социальных групп – политических элит);
- демографическом (рассматриваются проблемы расселения людей, размещения трудовых ресурсов, характера и динамики миграций);
- историко-краеведческом (описываются специфические особенности жизни в данной территории).

В этом перечне направлений региональных исследований региональная культура связана с историческим краеведением в аспектах:

- культурных традиций отдельных народов или групп населения, закрепившихся в их повседневном быте;
- истории бытования отдельных артефактов;
- фактах биографии отдельных деятелей региональной истории.

Рассмотрение региональных культур на территории России первоначально шло в ключе этнологических исследований, скорее фиксирующих сохранившиеся до современности элементы традиционной культуры отдельных народов. В последние годы появляются работы по культуре Сибири, Урала, Дона, Русского Севера, рассматривающие отдельные города-мегаполисы как специфические в культурном отношении феномены (например, исследования, посвященные Москве и Санкт-Петербургу). В то же время необходимо отметить, что эти исследования носят разрозненно-разобренный характер, связанный с накоплением исследовательского материала и попытками его систематизации.

Культурологическая составляющая исследований регионов России в современной науке с каждым годом занимает все более значительное место. Если ранее отечественная наука тяготела к масштабным исследованиям, связанным с осмыслением макропроцессов (движущих сил истории, истории государств и политических систем), то в настоящее время акцент делается на анализ микросообществ, локальных явлений, входящих в контекст мировой истории необходимым составным элементом. Особое внимание уделяется введению новых фактов, осмыслению культуры повседневности, введению в научный оборот новых документов, характеризующих процессы, происходившие в «местной» истории. Культурологические исследования смыкаются с этнологическими, когда происходит осмысление межэтнических процессов, обуславливающих специфику развития региона. Наряду с работой, связанной со сбором материалов, интерпретацией архивных источников и музейных артефактов, делаются попытки осмысления методологии исследования местной культуры, акцентируется специфическое понимание региона не столько как «территории», сколько как «микросообщества», совокупности людей, осуществляющих определенную историческую деятельность. Наиболее продуктивны исследования в сфере научной, образовательной, эстетической деятельности людей, проживающих в конкретном регионе. Изучение региональных научных школ и образовательных систем в настоящее время раз происходит в рамках истории образования и науки. Художественная составляющая региональной жизни в современных исследованиях находится в плоскости изучения местных художественных и литературных школ и творчества отдельных художников как попытка «вписать» их в контекст русской культуры.

Результаты активной исследовательской деятельности на практике позволяют дать обоснование региональной культуры как единства, организующего особую форму бытия национальной культуры в ее региональном варианте, которое является необходимым условием существований локального социума. Региональная культура позволяет раскрыть генезис, структуру, функционирование, логику развития локальной общности людей, выявить закономерности его существования. Методологию регионально-культурологического исследования можно определить как совокупность методов современной культурологии – исторического, феноменологического, деятельностного, семиотического и искусствоведческого методов, а также метода художественно-исторической реконструкции.

Систематизация знаний на основе использования теоретических установок изучения региональной культуры необходима для анализа конкретных региональных культур, опреде-

ления социокультурного и хозяйственного потенциала развития территории, разработки культурно-просветительских мероприятий, научно-практических образовательных программ, регионального туризма. В этой связи региональная культура становится объектом социального синтеза науки, экономики и политики, что для Российской Федерации как многонационального государства является чрезвычайно важным стабилизирующим фактором долгосрочного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Метафизика / пер. с греч. П. Д. Перлова, В. В. Розанова. М., 2006. 122 с.
2. Данилевский Н. Я. Европа и Россия. М.: Книга, 1991. 576 с.
3. Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академ. проект, 2001. 880 с.
4. Малинов А. В. Историко-философские этюды. СПб.: Изд-во СФО, 2007. 336 с.
5. Ключевский В. О. Сочинения. Курс русской истории. Т. 1, ч. 1. М.: Изд-во полит. лит., 1956. 428 с.
6. Грюбель Р. Концепция русской литературы как национального явления в творчестве Розанова // Наследие В. В. Розанова и современность: материалы Междунар. науч. конф. М.: РОССПЭН, 2009. С. 25–33.
7. Розанов В. В. О понимании. М.: Танаис, 1996. 808 с.
8. Розанов В. В. Сумерки просвещения. М.: Педагогика, 1990. 624 с.
9. Козлов В. Ф. Иван Михайлович Гревс как теоретик и практик краеведения 1920-х гг. // Петербургские исследования. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 141–147.
10. Смирнова А. Г. Роль И. М. Гревса в разработке экскурсионной методики // Петербургские исследования. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 148–163.
11. Козлов В. Ф. Указ // Соч. С. 140.
12. Каган М. С. Введение в историю мировой культуры. Кн. 1. СПб.: Петрополис, 2003. 368 с.
13. Мурзина И. Я. Феномен региональной культуры (Бытие и самосознание): дис. ... д-ра культурол. наук / Уральский пед. ун-т. Екатеринбург, 2003. 237 с.

I. V. Gorina

The Russian Presidential Academy of national economy and public administration

REGIONAL CULTURE IN THE CONTEXT OF IDEAS OF RUSSIAN THINKERS

The article focuses on conceptual notions of culture typology of N. I. Danilevsky, «local history» of V. O. Klyuchevskii, ontology of «cult» of V. V. Rozanov, «travel to the culture» of M. Graves, activity approach of M. S. Kagan relevant to the contemporary study of regional culture.

Regional history, culture, topology, typology of culture, ontology of culture, local history